

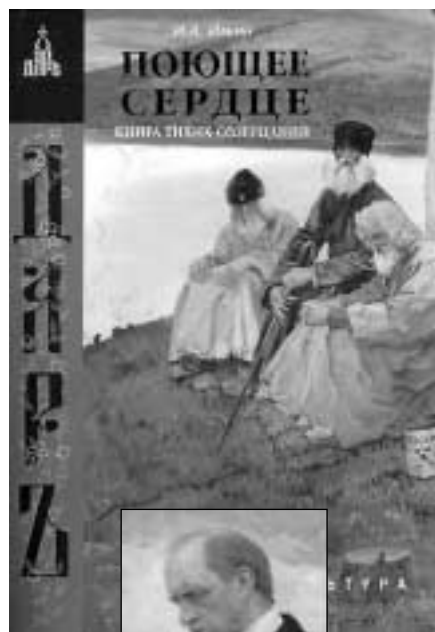
БЕРЕГА КУЛЬТУРЫ

Уважаемые коллеги!

Наша рубрика «Берега культуры» поставила задачу знакомить своих читателей с сочинениями самых мудрых людей мира о чтении и путях к достижению тех нравственных высот, которых может и должен стараться достичь каждый человек.

Сегодня и в последующих номерах «ШБ» вашему вниманию предлагаются главки книги Ивана Александровича Ильина «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний» (М., «ДАРЪ», 2006), изданной по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II.

Предисловие книги так и называется — «О чтении». В этом номере «ШБ» мы публикуем и первые главки книги — «Без любви» и «О справедливости». Работы И.А. Ильина интересны не в одном только теоретическом отношении. Они помогут провести беседу во время «классного часа», библиотечного урока, могут стать и темой дискуссии или диспута. Возможно, что-то покажется вам спорным, и это заставит рассуждать, приводить доводы в защиту своих установок, положений, взглядов. Интересен и всегда дискуссионен вопрос о «равенстве» и «неравенстве» людей. Конечно, люди «не одинаковы», все они — разные, но равны, например, должны быть их «стартовые» возможности, предоставляемые им Родиной, «равны» они и перед лицом закона.

И. А. ИЛЬИН

О ЧТЕНИИ

Каждый писатель тревожится о том, как его будут читать. Поймут ли? Увидят ли то, что он хотел показать? Почувствуют ли то, что любило его сердце? И кто будет его читатель? От этого зависит так много... И прежде всего — состоится ли у него желанная, духовная встреча с теми далёкими, но близкими, для которых он втайне писал свою книгу?

Дело в том, что далеко не все читающие владеют искусством чтения: глаза бегают по буквам, «из букв вечно выходит какое-нибудь слово» (Гоголь)¹,

и всякое слово что-нибудь да «значит»; слова и их значения связываются друг с другом, и читатель представляет себе что-то — «подержанное», расплывчатое, иногда непонятное, иногда приятно-мимолётное, что быстро уносится в позабытое прошлое... И это называется «чтением». Механизм без духа. Безответственная забава. «Невинное» развлечение. А на самом деле — культура верхоглядства и поток пошлости.

Такого «чтения» ни один писатель себе не желает. Таких «читателей» мы все опасаемся. Ибо настоящее чтение происходит совсем иначе и имеет совсем иной смысл...

Как возникло, как созрело написанное?

Кто-то жил, любил, страдал и наслаждался; наблюдал, думал, желал, надеялся и от-

¹ Гоголь Н.В. Мертвые души//Собр. соч.: В 7 т. Т. 5. — М., 1967. — С. 23.

чаивался. И захотелось ему поведать нам о чём-то таком, что для всех нас важно, что нам необходимо духовно увидеть, прочувствовать, продумать и усвоить. Значит — что-то значительное о чём-то важном и драгоценном. И вот он начинал отыскивать верные образы, ясно-глубокие мысли и точные слова. Это было нелегко, удавалось не всегда и не сразу.

Ответственный писатель вынашивает свою книгу долго, годами, иногда — всю жизнь; не расстаётся с ней ни днем, ни ночью; отдает ей свои лучшие силы, свои вдохновенные часы; «болеет» её темой и «исцеляется» писанием. Ищет сразу и правды, и красоты, и «точности» (по слову Пушкина)², и верного стиля, и верного ритма — и всё для того, чтобы рассказать, не искажая, видение своего сердца... И наконец произведение готово. Последний просмотр строгим, зорким глазом; последние исправления — и книга отрывается и уходит к читателю, неизвестному, далёкому, может быть, легковесно-капризному, может быть, враждебно-придирчивому... Уходит — без него, без автора. Он выключает себя и оставляет читателя со своей книгой «наедине».

И вот мы, читатели, берёмся за эту книгу. Перед нами накопление чувств, постижений, идей, образов, волевых разрядов, указаний, призывов, доказательств, целое здание духа, которое дается нам прикровенно, как бы при помощи шифра. Оно скрыто за этими черными мертвыми крючочками, за этими общеизвестными, поплёкшими словами, за этими общедоступными образами, за этими отвлеченными понятиями. Жизнь, яркость, силу, смысл, дух должен из-за них добыть

сам читатель. Он должен воссоздать в себе созданное автором; и если он не умеет, не хочет и не сделает этого, то за него не сделает этого никто: всуе будет его «чтение», и книга пройдет мимо него. Обычно думают, что чтение доступно всякому грамотному... Но, к сожалению, это совсем не так. Почему?

Потому, что настоящий читатель отдаёт книге своё свободное внимание, все свои душевные способности и своё умение вызывать в себе ту верную духовную установку, которая необходима для понимания этой книги.

Настоящее чтение не сводится к бегству напечатанных слов через сознание; оно требует сосредоточенного внимания и твёрдого желания верно услышать голос автора. Одного рассудка и пустого воображения для чтения недостаточно. Надо чувствовать сердцем и созерцать из сердца. Надо пережить страсть страстным чувством; надо переживать драму и трагедию живой волей; в нежном лирическом стихотворении надо внять всем вздохам, встрепетать своей нежностью, взглянуть во все глубины и дали, а великая идея может потребовать не более и не менее, как всего человека.

Это означает, что читатель призван верно воспроизвести в себе душевный и духовный акт писателя, зажечь этим актом и доверчиво отдать ему. Только при этом условии состоится желанная встреча между обоими, и читателю откроется то важное и значительное, чем болел и над чем трудился писатель. Истинное чтение есть своего рода художественное ясновидение, которое призвано и способно верно и полно воспроизвести духовные видения другого человека, жить в них, наслаждаться ими и обогащаться ими. Искусство чтения побеждает одиночество, разлуку, даль и эпоху. Это есть сила духа — оживлять буквы, раскрывать перспективу образов и смысла за словами, заполнять внутренние «пространства» души, созерцать нематериальное, отождествляться с неизвестными или даже умершими людьми и вместе с автором художественно и мыслительно постигать сущность богозданного мира.

Читать — значит искать и находить, ибо читатель как бы отыскивает скрытый писателем духовный клад, желая найти его во всей его полноте и присвоить его себе. Это есть творческий процесс, ибо воспроизводить — значит творить. Это есть борьба за духовную встречу; это есть свободное единение с тем, кто впервые приобрёл и закопал искомый клад. И тому, кто никогда этого не добивался и не переживал, всегда будет казаться, что от него требуют «невозможного».

Искусство чтения надо приобретать и вырабатывать в себе. Чтение должно быть углублено; оно должно стать творческим и созерцательным. И только тогда нам всем откроется его духовная ценность и его душеобразующая сила. Тогда мы поймем, что следует читать и чего читать не стоит, ибо есть чтение, углубляющее душу человека и

По чтению можно узнавать и определять человека. Ибо каждый из нас есть то, что он читает; и каждый человек есть то, как он читает; и все мы становимся незаметно из прочтённого, — как бы букетом собранных нами в чтении цветов...

² Ср.: «Точность и краткость — первые достоинства прозы» (Пушкин А.С. О прозе// Полн. собр. соч. — Т. 7 — Л., 1978. — С. 12)

строящее его характер, а есть чтение, разлагающее и обессиливающее.

Книга, для которой я пишу это предисловие, выношена в сердце, написана от сердца и говорит о сердечном пении, поэтому её нельзя понять в бессердечном чтении. Но я верю, что она найдёт своих читателей, которые верно поймут её и увидят, что она написана для русских о России.

БЕЗ ЛЮБВИ

(Из письма к сыну)

Итак, ты думаешь, что можно прожить без любви: сильной волей, благой целью, справедливостью и гневной борьбой с вредителями? Ты пишешь мне: «О любви лучше не говорить: её нет в людях. К любви лучше и не призывать: кто пробудит её в чёрствых сердцах?..»

Милый мой! Ты и прав, и не прав. Собери, пожалуйста, своё нетерпеливое терпение и вникни в мою мысль.

*Нельзя человеку прожить без любви, потому что она сама в нём просыпается и им овладевает. И это дано нам от Бога и от природы. Нам не дано произвольно распоряжаться в нашем внутреннем мире, удалять одни душевные силы, заменять их другими и насаждать новые, нам не свойственные. Можно воспитывать себя, но нельзя сломать себя и построить заново по своему усмотрению. Посмотри, как протекает жизнь человека. Ребёнок применяется к матери — потребностями, ожиданием, надеждой, наслаждением, утешением, успокоением и благодарностью; и когда все это слагается в первую и нежнейшую любовь, то этим определяется его личная судьба. Ребенок ищет своего отца, ждёт от него приветов, помощи, защиты и водительства, наслаждается его любовью и любит его ответно; он гордится им, подражает ему и чувствует в себе его кровь. Этот голос крови говорит в нём потом всю жизнь, связывает его с братьями и сестрами и со всем родством. А когда он позднее загорается взрослой любовью к «ней» (или, соответственно, она к «нему»), то задача состоит в том, чтобы превратить это «пробуждение природы» в подлинное «посещение Божие» и принять его как свою судьбу. И не естественно ли ему любить своих детей той любовью, которой он в своих детских мечтаниях ждал от своих родителей?.. Как же обойтись без любви? Чем заменить её? Чем заполнить страшную пустоту, образующуюся при её отсутствии? Нельзя человеку прожить без любви и потому, что она есть *главная выбирающая сила в жизни*. Жизнь подобна огром-*

ному, во все стороны бесконечному потоку, который обрушивается на нас и несёт нас с собой. Нельзя жить *всем*, что он несёт; нельзя отдаваться этому крутящемуся хаосу содержания. Кто попытается это сделать, тот растрастит и погубит себя: из него ничего не выйдет, ибо он погибнет во всесмешении. Надо *выбирать*: отказываться от очень многого ради сравнительно немногого; это немногое надо привлекать, беречь, ценить, копить, растить и совершенствовать. И этим строить свою личность. Выбирающая же сила есть *любовь*: это она «предпочитает», «приемлет», «прилепляется», ценит, бережет, помогает и блюдет верность. *А воля есть лишь орудие любви* в этом жизненном делании. Воля без любви пуста, черства, жестка, насильственна и, главное, *безразлична к добру и злу*. Она быстро превратит жизнь *в каторжную дисциплину под командой порочных людей*. На свете есть уже целый ряд организаций, построенных на таких началах. Храни нас Господь от них и от их влияния... Нет, нам нельзя без любви: она есть великий дар увидеть лучшее, избрать его и жить им. Это есть необходимая и драгоценная способность сказать «да», принять и начать самоотверженное служение. Как страшна жизнь человека, лишённого этого дара! В какую пустыню, в какую пошлость превращается его жизнь!

*Нельзя человеку прожить без любви и потому, что она есть *главная творческая сила человека*.*

Ведь человеческое творчество возникает не в пустоте и протекает не в произвольном комбинировании элементов, как думают теперь многие верхогляды. Нет, творить можно только *приняв богозданный мир*, войдя в него, вросши в его чудесный строй и слившись с его таинственными путями и закономерностями. А для этого нужна вся сила любви, весь дар художественного перевоплощения, отпущенный человеку. Человек творит не из пустоты: он творит *из уже сотворенного*, из сущего, создавая новое в пределах данного ему естества, внешне-материального и внутренне-душевного. Творящий человек должен внять мировой глубине и сам запеть из неё. Он должен научиться *созерцать сердцем*, видеть любовь, уходить из своей малой личной оболочки в светлые пространства Божии, находить в них *Великое — сродное — сопринадлежащее*, вчувствоваться в него и создавать *новое из древнего и невиданное из предвечного*. Так обстоит во всех главных сферах человеческого творчества: во всех искусствах и в науке, в молитве

и в правовой жизни, в общении людей и во всей культуре. Культура без любви есть мёртвое, обречённое и безнадежное дело. И все великое и гениальное, что было создано человеком, было создано из *созерцающего и поющего сердца*.

Нельзя человеку прожить без любви, потому что *самое главное и драгоценное в его жизни открывается именно сердцу*. Только созерцающая любовь открывает нам *чужую душу* для верного, проникновенного общения, для взаимного понимания, для дружбы, для брака, для воспитания детей. Всё это недоступно бессердечным людям. Только созерцающая любовь открывает человеку его *родину*, т. е. его духовную связь с родным народом, его национальную принадлежность, его душевное и духовное лоно на земле. Иметь родину есть счастье, а иметь её можно только любовью. Не случайно, что люди ненависти, современные революционеры, оказываются интернационалистами: мёртвые в любви, они лишены и родины. Только созерцающая любовь открывает человеку доступ к *религиозности и к Богу*. Не удивляйся, мой милый, безверию и маловерию западных народов: они приняли от Римской Церкви неверный религиозный акт, начинающийся с воли и завершающийся рассудочной мыслью, и, приняв его, пренебрегли сердцем и утратили его созерцание. Этим был предопределен тот религиозный кризис, который они ныне переживают.

Ты мечтаешь о сильной воле. Это хорошо и необходимо. Но она страшна и разрушительна, если не вырастает из созерцающего сердца. Ты хочешь служить благой цели. Это верно и превосходно. Но как ты увидишь свою цель, если не сердечным созерцанием? Как ты узнаешь её, если не совестью своего сердца? Как соблюдёшь ей верность, если не любовью? Ты хочешь справедливости, и мы все должны её искать. Но она требует от нас художественной индивидуализации в восприятии людей, а к этому способна только любовь. Гневная борьба с вредителями бывает необходима, и неспособность к ней может сделать человека сентиментальным предателем. Но гнев этот должен быть *рождён любовью*, он должен быть сам её *воплощением* для того, чтобы находить в ней оправдание и меру...

Вот почему я сказал, что ты «и прав, и не прав».

И ещё: я понимаю твоё предложение «лучше о любви не говорить». Это верно: *надо жить ею*, а не говорить о ней. Но вот посмотри: в мире раздалась открытая и безумная пропаганда не-

нависти, в мире поднялось упорное и жестокое гонение на любовь — поход на семью, отрицание родины, подавление веры и религии. Практическая бессердечность одних увенчалась прямой проповедью ненависти у других. Черствость нашла своих апологетов. Злоба стала доктриной. А это означает, что пришёл час *заговорить о любви* и встать на её защиту.

Да, в людях мало любви. Они исключили её из своего культурного акта: из науки, из веры, из искусства, из этики, из политики и из воспитания. И вследствие этого современное человечество вступило в духовный кризис, невиданный по своей глубине и по своему размаху. Видя это, понимая это, нам естественно спросить себя: кто же пробудит любовь в чёрствых сердцах, если она не пробудилась от жизни и слова Христа, Сына Божия? Как браться за это нам, с нашими малыми человеческими силами?

Но это сомнение скоро отпадает, если мы вслушиваемся в голос нашего сердечного созерцания, уверяющего нас, что Христос и в нас, и с нами...

Нет, мой милый! Нельзя нам без любви. Без неё мы *обречены* со всей нашей культурой. В ней наша надежда и наше спасение. И как нетерпеливо я буду ждать теперь твоего письма с подтверждением этого!

О СПРАВЕДЛИВОСТИ

С незапамятных времён люди говорят и пишут о справедливости: может быть, даже с тех самых пор, как вообще начали говорить и писать... Но до сих пор вопрос, по-видимому, не решён — что такое справедливость и как ее осуществить в жизни? Трудно людям согласиться в этом деле, потому что они чувствуют жизненное практическое значение этого вопроса, предвидят невыгодные последствия для себя и потому спорят как заинтересованные, беспокойно и подозрительно: того гляди «согласишься» «на свою голову» — и что тогда?

Каждый из нас желает справедливости и требует, чтобы с ним обходились справедливо; каждый жалуется на всевозможные несправедливости, причинённые ему самому, и начинает толковать справедливость так, что из этого выходит *явная несправедливость в его пользу*. При этом он убеждён, что толкование его правильно и что он «совершенно справедливо» относится к другим, но никак не хочет заметить, что все возмущаются его «справедливостью» и чувствуют себя притесненными и обойдёнными. Чем скуднее, теснее и насильственнее

жизнь людей, тем острее они переживают всё это и тем труднее им договориться и согласиться друг с другом. В результате оказывается: «справедливостей» столько, сколько недовольных людей, и единой, настоящей Справедливости найти невозможно. А ведь, строго говоря, только о ней и стоит говорить.

Это означает, что интересы и страсти искажают великий вопрос, ум не находит верного решения и всё обрастает дурными и ловкими предрассудками. Из предрассудков возникают ложные учения; они ведут к насилию и революции, а революции приносят только страдания и кровь, чтобы разочаровать и отрезвить людей, оглушённых своими страстями. Так целые поколения людей живут в предрассудках и томятся в разочаровании; и иногда бывает так, что самое слово «справедливость» встречается иронической улыбкой и насмешкой.

Однако всё это не компрометирует и не колеблет старую, благородную идею справедливости, и мы по-прежнему должны противопоставлять её всякой бессовестной эксплуатации, всякой классовой борьбе и всякому революционному уравнительству. Мы можем быть твёрдо уверены, что ей принадлежит будущее. И всё дело в том, чтобы верно постигнуть её сущность.

Французская революция восемнадцатого века провозгласила и распространила вредный предрассудок, будто люди от рождения или от природы «равны» и будто вследствие этого со всеми людьми надо обходиться «одинаково»... Этот предрассудок *естественного равенства* является главным препятствием для разрешения нашей основной проблемы. Ибо сущность справедливости состоит именно в *неодинаковом обхождении с неодинаковыми людьми*.

Если бы люди были действительно равны, т.е. одинаковы телом, душой и духом, то жизнь была бы страшно проста и находить справедливость было бы чрезвычайно легко. Стоило бы только сказать: «одинаковым людям — одинаковую долю», или «всем всего поровну» — и вопрос был бы разрешён. Тогда справедливость можно было бы находить арифметически и осуществлять механически; и все были бы довольны, ибо люди и в самом деле были бы как равные атомы, как механически перекатывающиеся с места на место шарики, до неразличимости одинаковые и внутренне, и внешне. Что может быть наивнее, упрощённое и пошлее этой теории? Какое верхоглядство — или даже прямая слепота — приводит людей к подобным мёртвым и вредным воззрениям? Пос-

ле французской революции прошло 150 лет. Можно было бы надеяться, что этот слепой материалистический предрассудок отжил давно свой век. И вдруг он снова появляется, завоёвывает слепые сердца, торжествует победу и обрушивает на людей целую лавину несчастья...

На самом деле люди неравны от природы и *неодинаковы* ни телом, ни душой, ни духом. Они рождаются существами различного пола; они имеют от природы неодинаковый возраст, неравную силу и различное здоровье; им даются различные способности и склонности, различные влечения, дары и желания; они настолько отличаются друг от друга телесно и душевно, что на свете вообще невозможно найти двух одинаковых людей. От разных родителей рождённые, разной крови и наследственности, в разных странах выросшие, по-разному воспитанные, к различным климатам привыкшие, неодинаково образованные, с разными привычками и талантами, люди творят неодинаково и создают неодинаковое и неравноценное. Они и духовно не одинаковы: все они — различного ума, различной доброты, несходных вкусов; каждый со своими воззрениями и со своим особым правосознанием. Словом, они различны во *всех* отношениях. И справедливость требует, чтобы с ними обходились согласно их личным особенностям, не уравнивая неравных и не давая людям необоснованных преимуществ. Нельзя возлагать на них одинаковые *обязанности*: старики, больные, женщины и дети не подлежат воинской повинности. Нельзя давать им одинаковые *права*: дети, сумасшедшие и преступники не участвуют в политических голосованиях.

Нельзя *взыскивать* со всех одинаково: есть малолетние и невменяемые, с них взыскивается меньше; есть призванные к власти, с них надо взыскивать строже и т. д. И вот, кто отложит предрассудки и беспристрастно посмотрит на жизнь, тот скоро убедится, что люди *неравны* от природы, *неравны* по своей силе и способности, *неравны* и по своему социальному положению и что *справедливость не может требовать одинакового обхождения с неодинаковыми людьми*; напротив, она требует *неравенства для неравных*, но *такого неравенства, которое соответствовало бы действительному неравенству людей*.

Здесь-то и обнаруживается главная трудность вопроса. Людей — бесконечное множество; все они различны. Как сделать, чтобы каждый получил в жизни согласно своей особливости? Как угнаться за всеми этими бесчис-

ленными своеобразиями? Как «воздать каждому своё» (по формуле римской юриспруденции)? Они *не* одинаковы; значит, и обходиться с ними надо не одинаково — согласно их своеобразию... Иначе возникнет несправедливость...

Итак, справедливость совсем не требует равенства. Она требует *предметно-обоснованного неравенства*. Ребёнка надо охранять и беречь; это даёт ему целый ряд *справедливых привилегий*. Слабого надо щадить. Уставшему подобаёт снисхождение. Безвольному надо больше строгости. Честному и искреннему надо оказывать больше доверия. С болтливым нужна осторожность. С одарённого человека справедливо взыскивать больше. Герою подобают почести, на которые не-герой не должен претендовать. И так во всём и всегда...

Поэтому справедливость есть искусство неравенства. В основе её лежит внимание к человеческой индивидуальности и к жизненным различиям. **Но в основе её лежит также живая совесть и живая любовь к человеку. Есть особый дар справедливости, который присущ далеко не всем людям.** Этот дар предполагает в человеке *доброе, любящее сердце*, которое не хочет умножать на земле число обиженных, страдающих и ожесточённых. Этот дар предполагает ещё живую наблюдательность, обострённую чуткость к человеческому своеобразию, способность вчувствоваться в других. Справедливые люди отвергают механическое трактование людей по отвлечённым признакам. Они созерцательны, интуитивны. Они хотят рассматривать каждого человека индивидуально и постигают скрытую глубину его души...

Вот почему справедливость есть начало *художественное*: она созерцает жизнь сердцем, улавливает своеобразие каждого человека, старается оценить его верно и обойтись с ним *предметно*. Она «внимательна», «бережна», «социальна»; она блюдет чувство меры; она склонна к состраданию, к деликатному снисхождению и прощению. Она имеет много общего с «тактом». Она тесно связана с чувством ответственности. Она по самому существу своему *любовна*: она рождается от сердца и есть живое проявление любви.

Безумно искать справедливость, исходя из ненависти, ибо ненависть завистлива, она ведёт не к справедливости, а к всеобщему уравнению. Безумно искать справедливость в революции, ибо революция дышит ненавистью и местью, она слепа, она разрушительна; она

враг справедливого неравенства; она не чтит «высших способностей» (Достоевский). А справедливость сама по себе есть одна из высших способностей человека, и призвание её состоит в том, чтобы *узнавать и беречь высшие способности...*

Люди будут осуществлять справедливость в жизни тогда, когда *все* или, по крайней мере, очень многие станут её *живыми художниками* и усвоят *искусство предметного неравенства*. И тогда справедливый строй будет сводиться не к механике справедливых учреждений, а к *органическому интуитивному нахождению предметных суждений и предметных обхождений для непрерывного жизненного потока человеческих своеобразий*. Справедливость не птица, которую надо поймать и запереть в клетку. Справедливость не отвлечённое правило для всех случаев и для всех людей, ибо такое правило *уравнивает*, а не «опредмечивает» (от слова «предмет») жизнь. Справедливость не следует представлять себе по схемам «раз навсегда», «для всех людей», «повсюду». Ибо она именно *не* «раз навсегда», а *живой поток индивидуальных отступлений*. Она не «для всех людей», а *для каждого в особенности*. Она не «повсюду», а живёт *исключениями*.

Справедливость нельзя найти ни в виде общих правил, ни в виде государственных учреждений. Она не «система», а жизнь. Её нужно представлять себе в виде *потока живой и предметной любви к людям*. Только такая любовь может разрешить задачу: она будет *творить жизненную справедливость*, создавать в жизни и в отношениях людей всё новое и новое *предметное неравенство*.

Вот почему в жизни важнее всего не «найденная раз навсегда» справедливость: это иллюзия, химера, вредная и неумная утопия. **В жизни важнее всего живое сердце, искренне желающее творческой справедливости; и ещё — всеобщая уверенность, что люди действительно искренне хотят творческой справедливости и честно ищут её.** И если это *есть*, тогда люди будут легко мириться с неизбежными несправедливостями жизни, условными, временными или случайными, и будут охотно покрывать их *жертвенным настроем*. Ибо каждый будет знать, что впереди его ждёт *истинная, т. е. художественно-любовная справедливость*.